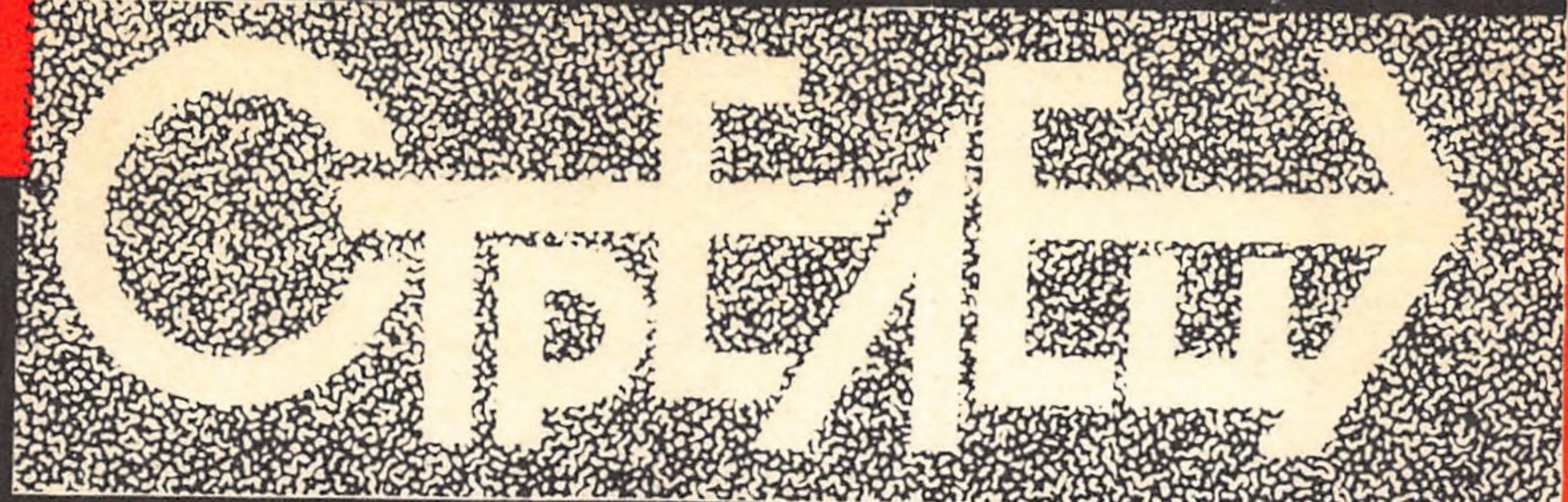
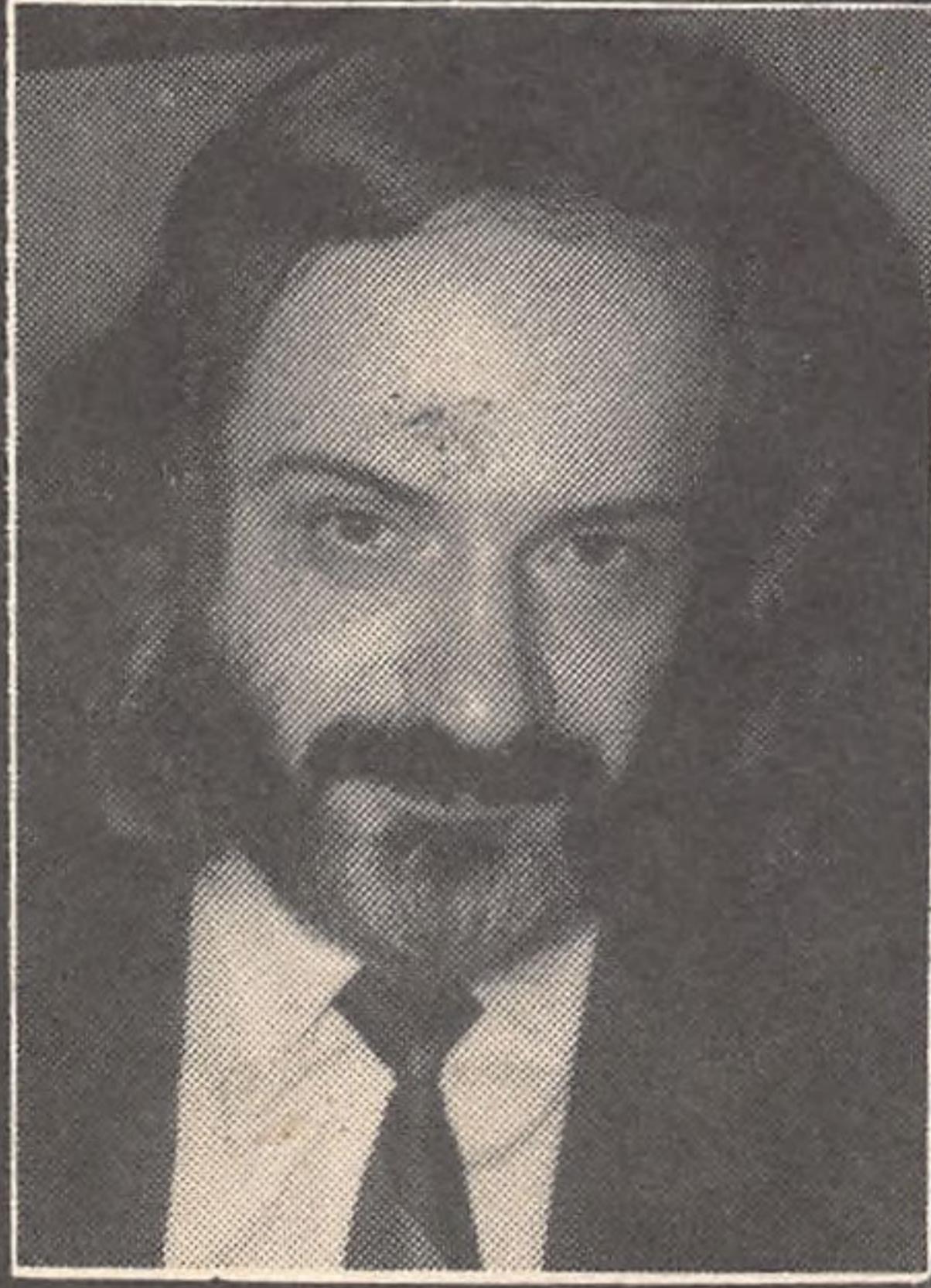
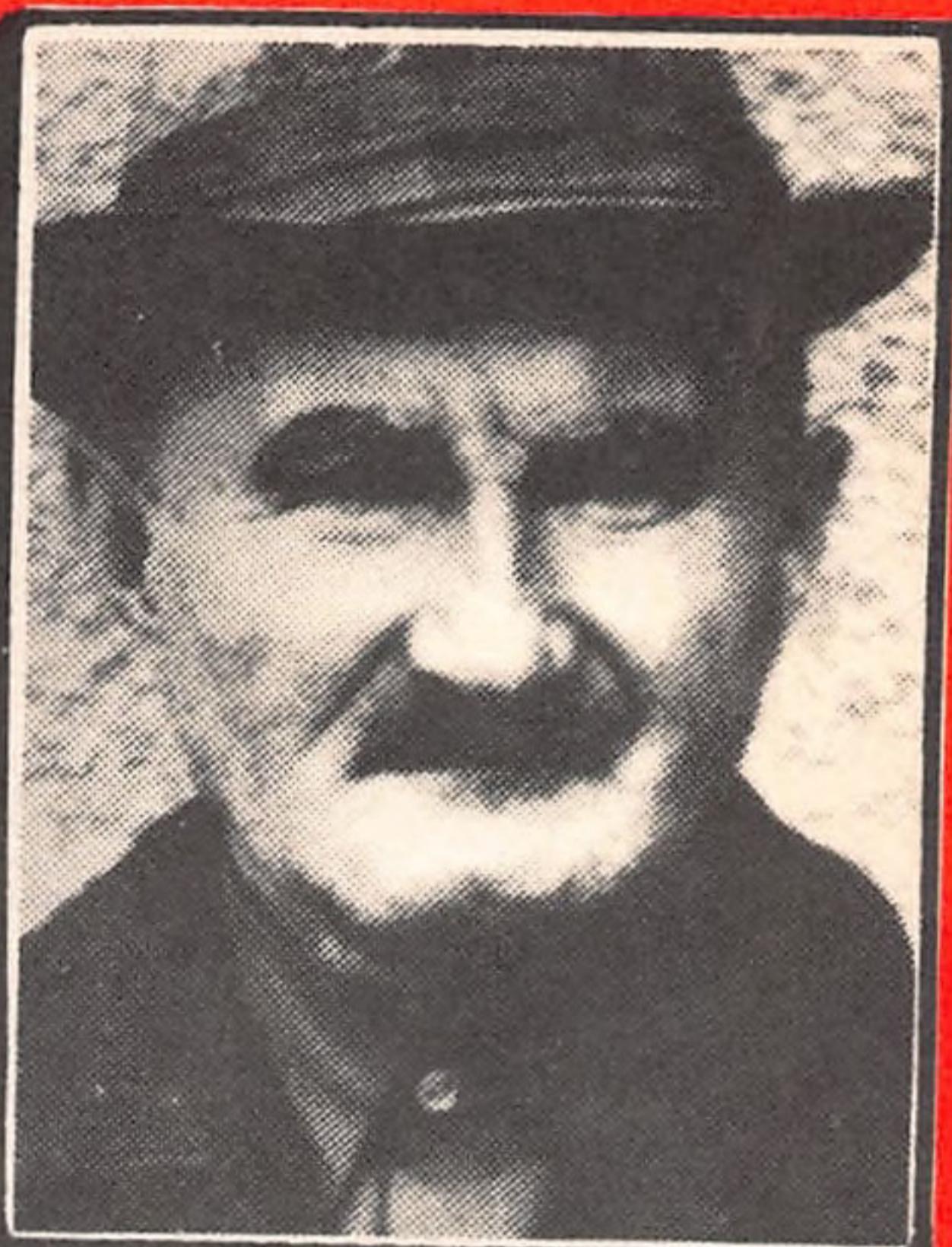

№3 (67)

1991 г.

АЛЬМАНАХ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ПОРТРЕТ ЭПОХИ НА ФОНЕ ЗНАМЕНИТОЙ РЕШЕТКИ

Бывают же такие странные совпадения! Только пообещал рецензию написать на Евгения Попова, как сел "Центральную Правду" читать. Вот сажусь, стало быть, то есть не сел еще, нет, и газету-то толком не вижу, а только так, косой взгляд как бы бросил, мол, делать-то пока все равно еще нечего, и не сидишь, и не лежишь, и не стоишь, а так, в каком-то бессмысленном движении пребываешь... И вот уже чувствую, что мне плохо,чуствую, что ох как нехорошо... А что плохо-то, спросите вы меня, чего нехорошо-то!.. А я пока и сам не знаю, только чувствую, что вот сейчас прочитаю что-то невероятное, что-то совсем ужасное....

Так и есть, дорогой читатель. И вы, наверное, испытали то же самое, и ваше сердце захолонуло от горечи, и ваша жизнь перед внутренним вашим взором на дыбы поднялась, когда и вы эту крошечную картинку на первой странице "Центральной Правды" увидели. А еще страшнее было объяснение под картинкой, помните? И кто разрушил? Кто две эти секции уничтожил, "вдребезги разбил"? Гонщик автомобиля! Ну что, догадались, поняли, о чем говорю-то? Что? Вы "Центральную Правду" не читаете? Напрасно, напрасно не читаете, но об этом мы еще поговорим, об этом речь впереди, а вот про это кратенькое сообщеньице-то, про решетку Летнего сада? Ведь знал же, что город гибнет, слышал от друзей, которые туда ездили, из писем друзей и родных знаю, что умирает... И вот тогда только взглядом едва коснулся, словно УМЕРШЕГО и портрет увидел. Так и стукнуло в груди. УМЕР!

Евгений Попов. "Прекрасность жизни". "Главы" из романа с газетой", который никогда не будет начат и закончен" Московский рабочий, 1990 г.

И кто этот угонщик автомобиля? Да никто! Вот этот НИКТО и убил, вот этот НИКТО и разрушил. В сердце какую-то перегородку сломал... Вот говорят, что "петербуржцев" нету, и все, мол, вымерли, а мне слушать это странно... Ей богу странно. А если ты историю специально изучал? А если ты знаешь, кто строил эти дворцы и когда собою они мир украсили?.. Да не просто "знаешь", а бегал по этому кругу не хуже юного Холстомера во главе небольшого стада носорогов со словами"и так, дорогие товарищи, начинается наша экскурсия по..." и чуть слезами не обливается от умиления, глядя на Исаакий, на Петра, на решетку Летнего сада... А потом, конечно, про революцию, про Аврору, а потом вдруг ударило: да что это я? да кто это я? Да что со мной? Может, прав академик-то? Может, вымерли петербуржцы? Одни холстомеровы остались? Стояла решетка, стояла да и повалилась от железного своего инфаркта!

Но как повезло писателю-то! Как повезло Евгению Попову! На фоне этой драмы, на фоне разбитой решетки Летнего сада как замечательно, как живо смотрится его книга "Прекрасность жизни". Книга про "никто" в тот самый момент, когда это самое "никто" прогрызло сердце. Распадаются жизненные ткани, рушится мир на глазах изумленных холстомеров и тут же, о чудо, появляется книга, полная волшебных и поразительных истин:

"За годы Советской власти в Узбекистане произошли коренные изменения во всех областях материальной, социально-политической и духовной жизни".

Боже, кто это написал? Откуда, откуда сия священная истина?! Где слова-то нашел? Не мог же сам, ведь не Бог, украл, украл поди! А этот эзопов язык?! Обратили внимание?

Ох и хитрец же! "В Узбекистане"! Ха-ха! Да кто ж ему поверит, уж мы-то знаем, о каком "Узбекистане" идет речь, это же мы, мы сами: "За годы Советской власти в НАС произошли коренные изменения..."

"Рисунок на камне. Кто "позировал" древнему художнику? Э.Дэнекен утверждает, что "натурой" был космонавт".

Поверь, дорогой читатель, первую попавшуюся страницу открыл, первое попавшееся место. И ведь новый шедевр, новое чудо. Какие такие холстомеры? Не холстомеры мы, а космонавты, еще и решетки не было, одни камни торчали, а мы уже и рисовали и позировали, а когда хлеб кончаться стал, послали своего космонавта за хлебом в космос и потом его много рисовали... По родной земле в скафандрах ходим, через волшебные стекла на все глядим... Какие такие носороги? Не к носорогам, а к космонавтам обращался я со словами "Итак, дорогие товарищи, начинается наша экскурсия по..." и бежал в своем скафандре по орбите...

А теперь закрою глаза и наугад открою следующую страницу. Убежден, что и тут наткнусь на шедевр, на очень тонкую мысль. Так и есть. Судите сами:

"Неожиданно прозвучал спокойный голос Брежнева: "Спрячьте пистолет, лейтенант! Давайте расставим по траншее коммунистов, а между ними остальных бойцов". Сам Брежnev занял место убитого пулеметчика."

Итак, место "убитого пулеметчика" уже занято. Конечно, куда нам, мелкоте, тут тела покрупнее требуются... Мы — "коммунисты в траншее", дорогой читатель. Что? Хотите быть "лейтенантом с пистолетом"? Не возражаю, не возражаю, хотя, честно говоря, подлости такой от вас не ожидал. Думал, что вы человек порядочный... Хотя, черт его знает, все в скафандрах, все как один узбек, поди разберись тут в людях...

Ну, теперь-то, надеюсь вам, понятно, почему книгу Евгения Попова я читал запоем? Оторваться не мог. Это не просто книга, это энциклопедия советской жизни, хотя автор ее определяет скромнее: "Главы из "романа с газетой", который никогда не будет начат и закончен". Советскому человеку газета — и мать, и жена, и Джулетта, и Ромео, и кто угодно.

Открытие Попова столь же значительно, как и изобретение радио его знаменитым однофамильцем. Попов открыл, что у советского человека не просто "поток сознания", а поток "газетного сознания". Газетный текст впечатан в наше сознание не хуже сексуального символа, это априорный принцип нашего мышления, такой же, как пространство и время у Канта. Газета — это мы, мы — это она.

На обложке изображен сам автор с "Центральной Правдой" в руках. Попов смело мог назвать свой роман "Центральный Поток". Не этим ли потоком снесена решетка Летнего сада? Не этим ли потоком снесены мы сами, сбиты с ног? "Унесенные Правдой" — чем плохое название, а?

А когда человека несет, когда он сам за себя не отвечает, когда воспринимает самого себя как обломок, которому то один его бок явлен, то другой, выступающий из пучины, из бездны, так сказать, то что с этого человека спрашивать? Что от него требовать? На что этот человек способен? Вот от имени этого ОБЛОМКА, а точнее говоря, "обломков" и написан роман Попова. Роман написан от имени существа, которое ветром истории угнано от собственного основания, разломано и разбито, несется, крутясь частями своими в потоке, кишащем такими же вот обломками. И так в этом потоке все перемешалось, что уже "свои" обломки, то есть принадлежащие как бы одному человеку, худо отличают себя от "чужих".

"Обычная история, обычный человек — зачем ему что-то помнить? Человек вообще ничего не помнит. А зачем? Нет, вы скажите — зачем? Человек вполне имеет право не помнить ничего. Он это право, можно сказать, заслужил в труде и в бою. И отнимать у него это право было бы не только глупо, но и бессовестно. А может, даже опасно..."

Однако не успел автор выговорить столь глубокую мысль, как тут же его закрутило в водовороте, понесло в другую сторону.

"Какая ерунда! Какая глупость! Какая чушь! Глупо. Глупо все. Глупа, например, до безобразия это моя последняя дурацкая фраза: "А, может быть, опасно". Дурацкая и многозначительная. Вернее, даже и не многозначительная. С такими фразами действительно можно черт знает до чего дойти, так что действительно может стать опасно. Лучше — снова о Мирзликине".

Это из главы 1978 "Проводы так называемой русской зимы, или Поломанная голова Мирзликина". Мирзликин сломал себе голову во время народного гуляния, когда залез на обледенелый столб, добрался до клетки с петухом и бутылки коньяка. Хотел выпустить петуха на волю, да и свалился с шеста. А забраться удалось благодаря тому, что свое "болгарское пальто" и штаны облил медом. Нет, не получается! Ну совершенно не то, ничего похожего. Нельзя пересказывать Попова, потому что при пересказе теряется одна очень важная деталь: шум бурного потока, влекущего героя на подвиг. Вот мы уже знаем, что произошло с Мирзликиным, а теперь послушаем самого писателя и воочию убедимся в том, что, опять-таки, пересказать Попова нельзя:

"И внезапно – озарило. Озарение... Простота, близкая к прекрасности..."

Мирзликин подошел к ларьку и купил банку искусственного меда. Он вскрыл банку перочинным ножом и вылил мед на свои неснятые штаны, надетые на ноги. Втер мед, после чего и руки Мирзликина стали липкими. И – липкорукий, липконогий Мирзликин в своих липких штанах и липком болгарском пальто прямо подошел к символическому шесту и, не дав никому опомниться, взлетел, вознесся туда, в недосягаемую вышину обледенелого шеста, туда, в апофеоз проводов русской зимы, в это стальное небо, в это холодное пространство, где жила, как живая, в холщовом мешке бутылка "Коньяк" и почему-то молчал, как зарезанный, петух в клетке".

Вот видите, читатель, как далеко это реальное событие от того, что вы услышали в моем пересказе? В моем пересказе вы не слышали той "музыки революции", того шума, которым переполнено сознание Мирзликина, праздничного гудения волн не слышали вы, дорогой читатель. А оно, это гудение или, лучше сказать, "бурление", в таких вот, например, фразах: "и вылил мед на свои неснятые штаны, надетые на ноги". В этой конструкции как раз и передана "обломочность" бытия, истинная разорванность сознания. То, что штаны Мирзликина не сняты, – дело случайности, как и то, что они, хотя и штаны, надеты на ноги... На фоне абсурдов и маразмов центрального потока, на фоне стремительной его круговорти все это воспринимается абсолютно нормально, очень музикально, очень празднично воспринимается. И в этой праздничности – весь пафос книги, вся ее тайна. Я вот говорю вам о том, как ужасно зрелище потока, в котором мелькают обломки человеческие, начал статью с рассказа о решетке, разбитой "Мирзликиным", но кто его знает, может, в основании всего этого моего пафоса – все тот же "бурный поток"? И нет никакой трагедии? И нет никаких "обломков"? А есть одно мое воображение, охваченное пафосом придуманной всемирности русского человека? С одной стороны – бурный поток, рев и шум которого перекрывает работу сознания, с другой – гробовая тишина, кладбищенская пустыня, то самое ничто, о котором говорилось в начале этой статьи:

"А внизу праздник проводов так называемой русской зимы разгорался, горел, не чадил и не угасал.

Прекрасные тройки Горуправления коммунального хозяйства, изукрашенные пестрыми лентами, возили желающих туда и сюда! Торговые точки изрыгали напитки и закуски! Разрывались гармоники и баяны! По-шмелиному, но в тысячу крат сильнее гудели транзисторы, гитары. О, праздник! О, вихрь праздника! Вихры! Не говорите, что это не был вихрь, я вас совершенно не желаю слушать! Пестрое кружение! Ленты! Русские! Цыгане! Белорусы! Армяне! Евреи! Украинцы! Вихры! Снег! Снег! Милый русский снег, затоптанный валенками, сапогами, ботинками! Снег! Снег! Вихры! И не сон ли все, что происходит?"

Тут вам и Гоголь, и Блок, тут вся русская литература с ее птицами-тройками и метелями, вся русская литература... на затоптанном пятаке глупой ярмарки...

Книга создавалась в самый разгар так называемого застоя. Но почему же так современно читается она сегодня? Не потому ли, что сегодня мы переживаем тот самый праздник, который описан в новелле Попова?

"И он решил с целью окончательной победы праздника раскрыть клетку и выпустить прямо в стальное небо томящегося в ней петуха. Это было просто необходимо! Лишь тогда случился бы действительный триумф, истинный апофеоз, точка над латинской буквой i. Мирзликин протянул руку и..."

Господи, да ведь это же и впрямь про матушку-перестройку, про нынешнее торжество. Но это, так сказать, глобальное обобщение, это слишком уж смелая мысль. А если поближе присмотреться, то ведь все то же: действиями Мирзликина руководит газетный импульс, он управляем не собственной волей, а потоком народного сознания, запечатленного в правдивом слове. Он гораздо более великий герой, нежели Дон Кихот, ибо тот действовал во имя лишь своей собственной возлюбленной, а Мирзликин действует во имя возлюбленной всеобщей, центрально удостоверенной. Тут уже не только Гоголь и Блок, не только русская литература, тут, шапки долой, мировой классикой пахнет-с:

"Тут-то и случилось трагическое. Мирзликин потом мне объяснял, что это, наверное, – искусственный мед. Искусственный он и есть искусственный – загустел, повытерся, истончал. Мед ли истончал или еще что, а только Мирзликин на глазах у всех как-то странно расшиперился и с дикой скоростью притяжения земли полетел вниз вместе с петухом и коньком, сильно поломав себе об эту землю голову. Завыла "скорая", и его увезли в больницу".

Писать про книгу Евгения Попова почти такое же счастье, как и читать ее. Будь моя воля, я бы о каждой новелле поговорил, каждую бы строчку из "Правды" прокомментировал. Чего только в этой книге нет: тут и человек из подполья есть, и... Но я не хочу быть эгоистом, не хочу, дорогой читатель, лишать вас удовольствия. Во что бы то ни стало раздобудьте эту книгу. То-то посмеетесь, то-то наразмышляйтесь. Я-таки по прочтении этой книги задался вопросом: а был ли он, застой-то? Какой же это застой, если вот такое искусство творилось? Или получается по Ленину: чем хуже, тем лучше? Значит, опять размышляй: что нам

дороже – динамичная жизнь без великой литературы или великая литература без динамичной жизни? А, простите, какая же динамика без литературы? Литература это и есть динамика. Хотя, и сам чувствую, что-то в этих рассуждениях не то, что-то не так... Одно знаю твердо: Евгений Попов уже потому замечательный писатель, что из глубины застойного ренессанса не только перестройку предсказал, но и девиз ее прочитал даже: "освободим петуха!".

Виктор ДМИТРИЕВ

Оклахома, 1991 г.